

Линь Чэн немного помедлил, прежде чем подойти ближе и вполголоса, склонившись к самому уху господина, поведать обо всём в подробностях. Линь Жухай слегка нахмурился. Его пальцы мерно и негромко постукивали по столу. Прошло немало времени, прежде чем он спросил:

— Господин Гу уже вернулся?

Линь Чэн покачал головой:

— Нет. Вчера господин Гу уехал навестить друга и прислал весть, что задержится в гостях на пару дней. Впрочем, завтра он уже должен быть здесь.

— Понятно, — кивнул хозяин поместья. — Можешь идти.

Поняв, что господин принял всё к сведению, слуга не посмел более докучать и молча удалился.

Из-за тревожных мыслей Линь Жухай совсем лишился аппетита и не собирался ужинать, однако Дайюй прознала об этом и сама принесла ему шкатулку с едой. Глядя на припухшие, покрасневшие глаза дочери, он просто не мог отказаться. Ему пришлось не только заставить себя поесть, но и удержать Юй-эр подле себя, чтобы поговорить по душам.

Отец отсутствовал дома несколько дней, а потому расспрашивал обо всём подробно. Но когда дочь вдруг завела разговор о Сыту Жуе, он почувствовал себя неловко. Что бы ни связывало их в будущем, говорить о подобном с малолетней дочерью было выше его сил.

Кое-как замяв щекотливую тему, Линь Жухай поспешил перенаправить беседу и спросил о Сяо Чжиюане.

— И сама не знаю, чем занят третий брат, — пожаловалась Дайюй, ластясь к отцу. — В последние дни его и след простыл. Если бы он не присылал мне ежедневно всякие безделушки, я бы решила, что его и вовсе нет в усадьбе. Наверняка развлекается где-нибудь на стороне и меня с собой не берёт! Отец, поправляйтесь скорее. Мы пойдём гулять по городу вдвоём, а брата Сяо с собой не позовём!

Линь Жухай ласково погладил её по голове, однако сам на миг помрачнел. «Что ж, прекрасно, — подумал он. — Видимо, жажда славы и выгоды совсем затмила ему разум. Решил избегать Дайюй? Ну и пусть. Значит, впредь ему здесь не рады».

Дайюй, разумеется, не догадывалась, какие грозы бушуют в душе отца. На самом деле она ничуть не сердилась на Сяо Чжиюаня — лишь шутливо ворчала, а теперь и вовсе попыталась выгородить его в глазах родителя.

Но Линь Жухай уже всё для себя решил, а потому пропустил её щебет мимо ушей.

Опасаясь утомлять больного отца, Дайюй вскоре засобиравлась к себе. Линь Жухай велел слугам проводить её со всей осторожностью.

Оставшись один, Линь Жухай принялся изучать бумаги, принесённые Линь Чэном. Он становился всё мрачнее. Будь это дела его собственного клана, он бы давно во всём навёл порядок. Но, увы, нити вели к чужим людям.

Раздался тихий стук. Решив, что это слуга пришёл напомнить о часе отхода ко сну, Линь Жухай даже не поднял головы:

— Ступайте отдыхать, мне ничего не нужно.

Однако дверь всё же отворилась. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы выразить недовольство такой дерзостью, но, подняв глаза, обомлел: на пороге стоял тот, кого он никак не ожидал увидеть в столь поздний час.

— Ты?.. Зачем пришёл? — невольно произнёс он. После того, что случилось днём, он совершенно не представлял, как вести себя с этим человеком.

Сыту Жуй выглядел хмурым, но явно сдерживал гнев. Неужели этот упрямец совсем не думает о собственном здоровье?

— Ты ранен, — в голосе великого князя отчётливо сквозило раздражение. — Какое такое спешное дело заставило тебя сидеть над бумагами посреди ночи?

Линь Жухай замялся, а затем тихо произнёс, отводя взгляд:

— Я скоро лягу. Вашему Высочеству лучше вернуться к себе.

Он упрямо смотрел в пол и потому не заметил, как Сыту Жуй подошёл вплотную. Опомнился Линь Жухай лишь тогда, когда земля ушла у него из-под ног.

— Что ты творишь?! — в испуге воскликнул он, оказавшись на руках у гостя.

— Кричи громче, — невозмутимо отозвался Сыту Жуй. — Мне-то что, пусть сбегутся слуги.

От подобного бесстыдства Линь Жухай мгновенно вспыхнул — не от смущения, а от чистой злости.

Поняв, что перегибает палку, великий князь поспешил умерить натиск и заговорил мягче, баюкая его на руках:

— Я лишь беспокоюсь о тебе. Жухай, прошу, не заставляй меня изводиться от тревоги.

Эта неожиданная покорность подействовала безотказно, особенно теперь, когда душу Линь Жухая и без того бредила тайная вина. Он перестал вырываться, и Сыту Жуй осторожно перенёс его во внутренние покои, уложив на постель.

Осторожно коснувшись пальцами его нахмуренного лба, князь негромко спросил:

— Неужели я столь несносен для тебя?

Линь Жухай вмиг напрягся. Он подавил желание отстраниться, но так и не решился поднять глаза.

— Нет... — едва слышно прошептал он. — Но тебе правда пора идти.

В его голосе звучала тихая мольба. Он отчаянно надеялся, что Сыту Жуй, как и днём, уступит его просьбе и уйдёт.

Сыту Жуй на мгновение помрачнел от досады, но он быстро справился с собой. «Жухай, до чего же прочен твой панцирь, в который ты вечно прячешься, — подумал он. — Но в этот раз я не отступлю. Каким бы твёрдым он ни был, я разобью его вдребезги».

— Жухай, неужели мы так и останемся чужими? Почему ты не зовёшь меня по имени, как в прежние времена?

Облегчённо вздохнув — или, напротив, покоряясь неизбежному, — Линь Жухай наконец поднял взгляд на мужчину. Голос его прозвучал столь тихо, что обычный человек ничего бы не разобрал, но Сыту Жуй, закалённый в боях воин, уловил каждое слово:

— Минжуй...

Это было его второе имя. Когда-то, наедине друг с другом, они только так и общались. Но с тех пор, как они расстались, никто больше не смел произносить его вслух.

Захлестнувшая Сыту Жуя волна неистовой радости заставила его рвануться вперёд и стиснуть Линь Жухая в объятиях. Почувствовав, как тот дрожит, Жухай поначалу хотел оттолкнуть его, но руки сами собой сомкнулись на широкой спине мужчины.

— Минжуй... Минжуй...

Этот шёпот, повторяемый вновь и вновь, словно пытался заполнить бездну потерянных лет.

Неужели судьба смилостивилась и они больше не разминутся?

Лишь спустя долгое время они неохотно отстранились друг от друга. Линь Жухаею овладело крайнее смущение, в то время как Сыту Жуй теперь тревожился лишь о том, как бы не растревожить его раны.

Какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза, пока Линь Жухай всё же не нарушил тишину:

— Иди к себе. Мне нужно лечь. Обо всём остальном... поговорим завтра, хорошо?

Получив столь желанное согласие, великий князь понимал, что нельзя давить сильнее. Напустив на себя покорный вид, он тихо ответил:

— Хорошо, отдыхай. Я приду завтра утром.

Проводив гостя взглядом, Линь Жухай без сил опустился на подушки.

«Минь-эр... уповаю, что ты сможешь простить меня».

На следующее утро Дайюй пришла поприветствовать отца и немало удивилась, застав у него гостя. Пусть батюшка и уверял, что князь Жуй заглянул проведать больного, но прилично ли являться в чужую опочевальню в такую рань?

Впрочем, оба мужчины прекрасно заметили недоумение девочки. Вот только один из них отличался поразительным бесстыдством и даже бровью не повёл — напротив, со всей степенностью примерил на себя роль заботливого старшего родственника и принялся ласково расспрашивать Юй-эр о здоровье.

Второму же, как бы он ни досадовал, оставалось лишь делать вид, будто всё идёт своим чередом.

К счастью, Дайюй, видя их непринуждённое согласие, решила, что батюшка и князь наконец уладили былые размолвки. В конце концов, они ведь были близкими друзьями с давних пор.

Но когда великий князь принялся то и дело подкладывать лучшие кусочки в тарелку отца, девочка удивлённо захлопала глазами. Даже дядя Гу, будучи в гостях, никогда не ухаживал за батюшкой с таким усердием.

Линь Жухай попытался незаметно пнуть наглеца под столом, призывая к благоразумию, но тот даже ухом не повёл — продолжал заботливо наполнять его пиалу.

В итоге завтрак принёс удовольствие одному лишь Сыту Жую. Отец и дочь сидели как на иголках. Едва слуги убрали посуду, Линь Жухай вознамерился со всей серьёзностью объясниться с князем, но им помешали.

Получив известие о покушении на друга, Гу И, не теряя ни минуты, примчался обратно в поместье.

Дела государственной важности не терпели отлагательств, и Линь Жухаю пришлось отложить личный разговор на потом.

Дайюй же забрал к себе шестой принц, Сыту Цзинь. Накануне ему наконец-то не задали никаких уроков, и он с самой зари собирался поиграть с названной сестрицей. Не застав её в девичьих покоях и узнав, что она у отца, принц без лишних церемоний явился прямо в главный дом. Это оказалось как нельзя кстати: Линь Жухай как раз раздумывал, под каким предлогом услать дочь. Обрадованная Дайюй с позволения батюшки увела гостя в сад.

Сыту Цзинь, хоть и родился от законной супруги императора, по общему мнению придворных, не имел никаких шансов на престол. И пускай императрица лелеяла тщетные надежды, изменить судьбу сына она не могла. К счастью, государь искренне любил мальчика — во многом из-за того, что в его недуге таилась вина самого монарха. Впрочем, эта история относилась к разряду дворцовых тайн, о которых все предпочитали помалкивать. Ограничивались лишь перешёптываниями, что шестой принц уродился недалёким: умом он обделён не был, но в учении сильно отставал от сверстников.

Под покровительством царственных родителей принц не знал обид, но рос одиноким — сверстники избегали общества глуповатого мальчика. Будучи обделённым книжной мудростью, Сыту Цзинь, однако, обладал редким чутьём на искренность. Стоило ему впервые увидеть Дайюй, как его сердце потянулось к ней. А уж после напутствий Сыту Жую он и вовсе стал относиться к ней как к родной сестре.

Дайюй тоже привязалась к нему. Когда-то у неё был младший брат, ушедший в мир иной слишком рано. Сяо Чжюань относился к ней с истинно мужским покровительством, Сыту Цзинь же, хоть и превосходил её возрастом на год, разумом и повадками казался совсем ребёнком. Тоскуя по умершему братишке, Дайюй невольно перенесла всю нерастратченную нежность на принца. И если бы не его высокое положение, она давно бы назвала его братом без всяких оговорок.

Пока дети резвились в саду, к ним присоединился прослышавший о веселье Сяо Чжюань, а следом за ним притаился и скучающий под домашним арестом первый принц, Сыту Юй. Впрочем, взрослым сейчас было не до ребяческих забав.

Выпроводив великого князя в соседние покои, Линь Жухай принял прибывшего Гу И в своём кабинете.

Убедившись, что друг выглядит вполне бодро, гость с облегчением выдохнул и покачал

головой:

— Ну и напугал же ты меня, брат Жухай! У меня едва сердце из груди не выпрыгнуло, пока я скакал сюда.

С этими словами он без чинов опустился в кресло. Линь Жухай прекрасно понимал его тревогу, а потому лишь мягко улыбнулся:

— Обычная оплошность, Цыгу. Прости, что заставил тебя волноваться.

— Ты уже разузнал, кто за этим стоит? — Гу И прищурился. — Неужели и впрямь случайное нападение?

— Разумеется, я всё проверил, — кивнул Линь Жухай. — Понимаю, к чему ты клонишь, но у клана Чжэнь сейчас слишком много забот, им не до меня. Нападение подстроил один из соляных торговцев, чьё дело я недавно разорил. Что и говорить, я сам проявил непростительную беспечность.

Убедившись, что хозяин усадьбы полностью владеет положением, Гу И не стал утомлять его расспросами. Решив, что раз опасность миновала, ему не мешает выспаться после изнурительной ночной скачки, он уже поднялся было с места, намереваясь откланяться.

Однако сделать и шага к двери он не успел — Линь Жухай остановил его:

— Цыгу, постой. Есть кое-что ещё.

Поймав недоумённый взгляд друга, он протянул ему два исписанных листа бумаги.

Бегло пробежавшись глазами по строчкам, Гу И резко переменялся в лице.

Дождаясь, пока тот дочитает, Линь Жухай заговорил ровным, но весомым голосом:

— По совести говоря, мне бы следовало промолчать. Но между нами нет места недомолвкам. Я повидал на своём веку немало чиновников, однако признаю — в этот раз я жестоко ошибся. В мальчишке зреет вовсе не блестящий молодой учёный, а настоящий, беспринципный временщик. С его хваткой и нравом он далеко пойдёт, вот только добром это не кончится.

Смысл сказанного ранил Гу И в самое сердце. Горестно усмехнувшись, он признался:

— Брат Жухай, скрывать от тебя больше нечего. Этот юнец с малых лет отличался избыточным своеобразием. Думаешь, почему мой зять позволил увезти из столицы старшего сына хоу

Тунъаня? Мы лишь надеялись уберечь его от дворцовых дразг. Кто же знал, что судьба сыграет с нами такую шутку и первый принц увяжется вслед за великим князем на юг...

При упоминании Сыту Жуя Линь Жухай вспыхнул, но удручённый своими заботами Гу И ничего не заметил. Немного помолчав, он поднялся и тепло попрощался с хозяином дома. Как бы там ни было, а непутёвого племянника следовало как следует призвать к порядку.

Как только шаги Гу И затихли в коридоре, тяжёлая портьера, отделявшая спальню, колыхнулась, и в кабинет бесшумно вошёл Сыту Жуй.

<http://bllate.org/book/18189/1758693>